

Религиоведение. 2023. № 3. С. 97–107.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 3. P. 97–107.

DOI: 10.22250/20728662_2023_3_97

Лобанова Л.С.

*Институт языка, литературы и истории, Федеральный исследовательский центр «Кomi научный центр УрО РАН»
167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
sergejluda@mail.ru*

Особенности экспликации ритуала принесения в жертву животных в церковно-приходских летописях Коми края второй половины XIX – начала XX веков

Аннотация. В статье проанализированы фрагменты церковно-приходских летописей, в которых содержатся сведения о религиозной практике принесения в жертву животных. В христианстве указанный ритуал не имеет официального конфессионального статуса и исключается из религиозных обрядов. Анализ публикаций показывает, что и в исследованиях жертвоприношение животных искусственно отделается от религиозной практики и интерпретируется как реликт древнего обряда или системы представлений не только в традиции коми, но у других финно-угорских и славянских народов. Сведения о жертвоприношениях животных выявлены в исторических частях только трёх летописей и одной повременной части, где представлены в тесном переплетении с историей местного прихода, повседневной (хозяйственной) и праздничной жизнью сельской общины. Анализ фрагментов летописей позволяет сделать вывод о том, что принесение в жертву животного является обетом, который, в зависимости от типа – индивидуальный или общественный, – а также ситуации зарождения, условий и времени его развития, на момент фиксации может быть представлен в составе как престольного, часовенного, обетного / заветного праздника, так и молебна почитаемому святому, крестного хода, обхода полей и пастбищ с молебнами, каждый из которых может встречаться отдельно и совмещаться с остальными. В результате исследования жертвоприношение животных признаётся вернакулярной религиозной практикой, сформировавшейся в православной сельской общине коми на основе системы традиционного хозяйства, народного мировоззрения и христианского вероучения, которая была актуальна до 1930-х гг.

Ключевые слова: жертвоприношение животных, вернакулярная религиозная практика, обет, образ святого, церковно-приходские летописи, традиция коми

Lyudmila S. Lobanova

*Institute of Language, Literature and History, Federal Research Center “Komi Scientific Center, UB RAS”
26 Kommunisticheskaya st., Syktvykar, Komi Republic, 167982, Russia
sergejluda@mail.ru*

Features of Explication of Ritual Animal Sacrifices in the Parish Chronicles of the Komi Territory of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries

Abstract. The article analyzes fragments of parish chronicles, which contain information about the religious practice of animal sacrifices. In Christianity, this ritual has no official confessional status and is excluded from religious rites. Analysis of publications shows that in studies, the sacrifice of animals is artificially separated from religious practice and interpreted as a relic of the ancient rite or system of representations not only in the Komi tradition, but among other Finno-Ugric and Slavic peoples. Information about animal sacrifices is revealed in the historical parts of only three annals and in one modern part, where they are presented in close interweaving with the history of the local parish, the daily (economic) and festive life of the rural community. Analysis of fragments of chronicles allows us to conclude that the sacrifice of an animal is a vow, which, depending on the type – individual or public, as well as situations of origin, conditions and time of its development, at the time of fixation, can be presented as a patronal composition, a chapel, vow/cherished holiday, and a prayer service to the revered saint, procession, traversal of fields and pastures with prayers, each of which can meet separately and combine with the rest. As a result of the study, animal sacrifice is recognized as vernacular religious practice, formed in the Orthodox rural community of Komi on the basis of a system of traditional economy, popular worldview and Christian doctrine, which was relevant until the 1930s.

Key words: animal sacrifice, vernacular religious practice, vow, saint image, parish annals, Komi tradition

История изучения обряда жертвоприношения животных

Сведения об обряде жертвоприношения животных у коми впервые появляются на страницах «Дневных записок» И.И. Лепехина, где отражены результаты экспедиции Императорской Академии наук 1771 г., организованной с целью изучения природных и экономических ресурсов Российской империи и особенностей народов, её населяющих, что стало началом научного, в том числе этнографического, изучения Коми края [Шабаев, Шарапов, 2020, 103]. Описав отдельные моменты увиденного ритуала, автор приходит к выводу, что жертвоприношение является «суверенным обрядом» «пермяков», который имеет дохристианское происхождение, и находит общие ритуальные моменты с обрядами чувашей и мордвы [Лепехин, 1814, 236–237], которые были крещены в XVIII веке, а потому вполне допустимо, что они сохраняли дохристианские верования.

Идеи дохристианского происхождения обряда придерживается и П. Сорокин в очерке «Старинный обряд у зырян», в котором представлены обобщённые сведения о жертвоприношении животных среди зырян, полученные автором из разных источников¹. Автор считает ритуал «иллюстрацией древних верований и обрядов, которые сохранились у этого народа в силу изолированности и труднодоступности, а также высокой степени религиозности» [Сорокин, 1848, 341].

После этого вплоть до начала XX века в документально-художественных сочинениях, описывающих зырян, территорию их проживания, лингвистические, нравственные и этнографические особенности народа, заселяющего северные земли Российской империи, включаются в том числе и сведения о жертвоприношении животных (в основном из рассмотренных выше источников). К.А. Попов принесение в жертву животных считает проявлением излишнего желания зырян угодить Богу [Попов, 1874, 47–48]; А.В. Красов представляет жертвоприношение как «языческое празднество» [Красов, 1897, 129–130]; В. Аврамов относит обычай «закалывать быка или корову» к особенностям храмовых праздников зырян «иных мест» Яренского уезда [Аврамов, 1859, 328]. В книге очерков П.В. Засодимского «Лесное царство», написанной на основе его путешествия по Северу в 1877 году [Терюков, 171], сведения о приношении животных и мяса в часовни в св. Власия и Модеста интерпретируются как «остатки» древнеславянского культа Волоса [Засодимский, 1878, 67–68]. Интерес авторов к обряду жертвоприношения животных чаще всего был обусловлен тем, что не встречался у русских, поэтому рассматривался как иллюстрация древних верований и обрядов зырян.

В начале XX века идея дохристианского происхождения обряда жертвоприношения животных получила дальнейшее развитие. На основе актуальных и разработанных в то время мифологических и религиоведческих теорий ритуал принесения в жертву животных был рассмотрен исследователями в рамках теории анимизма [Сорокин, 1910, 39–40; 1911, 884] и тотемизма [Сидоров, 1924], что не оставило сомнений в древности обряда.

В исследованиях второй половины XX в. ритуал жертвоприношения представлен как календарный обряд коми, в котором нашло отражение переплетение языческих и православных традиций [Белицер, 1958, 235; Дукарт, 1975, 141; Конаков, 1993, 39, 82–95]. Так, во вступительной части энциклопедии «Мифология коми» христианские образы в мировоззрении коми предлагается рассматривать как «ценный источник для реконструкции языческой мифологии», точно так же, как и обетные жертвоприношения, приуроченные к престольным праздникам и «посвящённые святым, известным как христианские заместители языческих божеств» [Мифология, 1999, 60].

В христианстве ритуал жертвоприношения животных не имеет официального конфессионального статуса и исключается из религиозных обрядов. Священнослужителям на местах ещё в XIX веке настоятельно рекомендовалось бороться с ним как с проявлением язычества, искажением религиозного учения². Данные аргументы могли повлиять на то, что и в исследованиях ритуал принесения в жертву животных искусственно отделялся от религиозной практики и интерпретировался как реликт древнего обряда или системы представлений не только в традиции коми, но у других финно-угорских [Шаповалова, 1973; Конкка, 1988] и славянских наро-

дов [Афанасьев, 1868, 255–256; Зеленин, 1991, 384; Рыбаков 1962, 73–74]. Однако прямо противоположная точка зрения была высказана А.Б. Морозом. Он указал на распространение жертвоприношений животных в иудаизме, привёл наиболее известные библейские сюжеты с жертвоприношениями, среди которых значительное место занимают сведения о жертвоприношениях животных «при освящении христианских храмов и при праздновании больших церковных праздников». Кроме того, актуальность практики принесения в жертву животных в христианской традиции, по мнению исследователя, подтверждается и содержанием средневековых славяно-византийских требников, в которых выделяется «значительное количество молитв на заклятие жертвенного животного и множество указаний, регламентирующих эти заклятия» [Мороз, 2013, 225]. Наше исследование не только дополняет список источников о ритуале принесения в жертву животных в христианской традиции, но и позволяет рассмотреть роль и место обряда в православной сельской общине конца XIX – начала XX веков.

Ритуал жертвоприношения животных в церковно-приходских летописях Коми края второй половины XIX – начала XX вв.

Составление церковно-приходских летописей вменялось в обязанность священнослужителям указами Синода и епархиального начальства 1866–1867 гг., и там же предлагался план их написания [Добренский, 2000]. Летопись должна была состоять «из двух частей – исторической и современной». В первой части предписывалось кратко изложить историю храма и прихода, а в повременной – «излагать самую летопись по годам, месяцам и числам» [О заведении, 1867]. На сегодняшний день в Национальном архиве Республики Коми хранится 11 летописей церковью Коми края, одна часть летописи находится в частной коллекции³. Сведения о жертвоприношениях животных, по указанным выше причинам, появляются на страницах летописей как исключения из правил. Содержатся они в исторических частях трёх летописей и одной повременной части, где представлены в тесном переплетении с историей местного прихода, повседневной (хозяйственной) и праздничной жизнью сельской общины.

Приведём фрагменты из «Приходской летописи Нившерской Воскресенской церкви»⁴:

«В местной церкви из икон особенно считается древнею и даже чудотворною – Свят[ителя] Василия Великого, длиной в 1½ четверти, шириной более 1 четвер[ти] аршина, перенесённая из бывшей здесь часовни. Сему святителю отправляются молебны от местных жителей и приходящих по обещанию из посторонних селений, жертвуя баранов также по обету, данному при случае какой-либо болезни над мелким скотом. Начало этой иконы относится к первой половине XVII столетия» [Летопись Нившерской церкви – 1, 7].

В данном случае сведения о жертвоприношении животных вплетены в контекст повествования о чудотворной иконе, изложение которых рекомендовалось планом составления летописи [О заведении, 1867, 62]⁵. Воскресенская церковь в Нившере была построена в 1855 г. «вместо бывшей здесь часовни во имя св. Василия Великого» [Летопись Нившерской церкви – 1, 5]⁶, и с перенесением древней чудотворной иконы Святителя Василия Великого, которая, по мнению летописца, древнее поселения⁷, в приходе продолжилось почитание святого. На основании приведённого фрагмента можно выделить, в первую очередь, обетный характер обрядовой практики почитания Василия Великого: жители из «посторонних селений» приходят «по обещанию», они, как и местные жители, отправляют святому молебны (святым обычно посвящают благодарственные и просительные) и приносят в жертву баранов «по обету», «данному при случае какой-либо болезни над мелким скотом». Кроме того, повременная запись летописи почти ежегодно начинается с описания празднования дня св. Василия Великого (1 января по ст. ст.). Сообщается, сколько и откуда было прихожан, сколько поступило пожертвований, но, по изложенным выше соображениям, ничего не отмечается по поводу принесения в жертву животных. Предполагаем, что общая сумма пожертвований складывалась и из денег, вырученных от продажи пожертвованных животных и мяса. Среди других пожертвований упоминается, что «получена медная посеребрённая риза с позолоченным венцом

к иконе Св[ятителя] Василия Вел[икого] – жертва Вишерского священника Сократа Попова» [Летопись Нившерской церкви – 1, 54], 1 января 1875 г. «Вишерского прихода деревни Ивановской крестьянин Степан Алексеев Иванов пожертвовал в церковь на ризу штофной материи с цветами в клетках десять аршин» [Летопись Нившерской церкви – 1, 55об.]. Все эти сведения образуют единый круг источников о почитании святого Василия Великого в данной местности и мотивируют различные формы обетных приношений, в число которых попадают и принесения в жертву животных, совершаемые как в благодарность святому за помощь, так и с просьбой о дальнейшем покровительстве.

На основе экспедиционных записей 1990–2018 гг. список аналогичных жертвоприношений, которые были распространённой практикой в данной локальной традиции до 1930-ых гг., может быть продолжен: в дер. Лымва в часовню во имя Параскевы Пятницы на Девятую пятницу от Пасхи жертвовали овец, различные ткани и платки по обету, данному в случае болезни женщин [Лобанова, 2022, 147]; к иконе св. Харлампия, которая была приобретена основателем починка Сывьюдор с целью избавления от нападения хищников на скот, в праздник Харлампия (23 февраля, накануне дня св. Власия) по обету, данному в случае болезни скота, жертвовали овец, головы и другие разделанные части мяса крупного рогатого скота [Лобанова, Рассыхаев, 2017, 47]. Во всех этих случаях имеет место вариант жертвоприношения животных почитаемому святому – патрону этой местности и/или определённой хозяйственной деятельности – принесённой верующим человеком по индивидуальному обету, с целью благодарения за помощь в кризисной ситуации, а также получения и/или продолжения покровительства святого. Значимость указанных святых в народной традиции подтверждается тем, что после закрытия церкви местные жители продолжили проводить домашние богослужения с водосвятием перед иконами Василия Великого, Параскевы Пятницы, Харлампия и ряда др. [Лобанова, Рассыхаев, 2017].

Другой вариант жертвоприношения животных в рассматриваемой летописи представлен в контексте описания крестных ходов, и, по сути, является ответом на следующее положение инструкции о составлении летописей: «Не существует ли местных ходов и особенных общественных молений, кроме обычных, повсюду совершаемых, когда и по какому случаю начались оные» [О заведении, 1867, 62].

«Общественное моление каждогодно бывает в день Св[ятого] Пророка Илии (20 июля), а когда оный бывает в среду или пяток, тогда в предыдущий или последующий Воскресный день. Это моление заведено по случаю истребления скота медведем. Церковный староста пред сим производит по всему приходу особый сбор денег, по числу коров и лошадей, быки изъяты от сего налога. На эти деньги он покупает быка, хотя небольшого, в день моления пред утренней колот его, две части варят, третью дают местному причту, кожа и сало поступают в казну ныне церковную, а до постройки церкви – в часовенную. После литургии, когда сваренное мясо приготовлено на столах, по выходе из церкви причта и народа с иконами на площадь, поётся водосвятный молебен Св[ятому] Пророку Божию Илии, и за тем раздаётся по куску участвовавшим в молении. Начало сего моления должно отнестись к 1700 годам» [Летопись Нившерской церкви – 1, 7 об. –8].

На основе данного фрагмента летописи могут быть выделены следующие составляющие ритуального действия: 1) место проведения: в Воскресенской церкви, до строительства которой ритуал проводился в часовне св. пророка Илии в дер. Тист, входящей в состав Нившеры; 2) время проведения: 20 июля в день святого пророка Илии (по ст. ст.), а при выпадении праздничного дня на среду или пятницу назначается на предыдущее или последующее воскресенье; 3) мотивировка: исполнение коллективного завета, данного «по случаю истребления скота медведем»; 4) жертва: бык, купленный на собранные церковным старостой деньги с каждого двора прихода по числу коров и лошадей; 5) приготовления: перед утренним богослужением быка закалывают, делят на три части, из которых две части варят, а одна часть мяса передаётся местному причту, кожа и сало поступают в церковную казну; 6) церковная служба: после проведения литургии священнослужители вместе с прихожанами выходят из церкви, взяв иконы, проводят «водосвятный молебен

Св. Пророку Божию Илие»; 7) совместная трапеза: разложенное на столах сваренное мясо раздаётся по куску «участвовавшим в молении». Приведённое описание соответствует заветному празднику, в основе которого лежит обет общественного характера, данный «по случаю истребления скота медведем». Сложно сказать, как возникло посвящение святому Илие. Возможны несколько вариантов: либо кризисная ситуация совпала с праздником святому Илие, либо первое было расценено как следствие нарушения запрета, связанного с праздником и почитанием святого, либо основополагающим стал образ святого в народной традиции, который обусловил обращение к последнему за помощью в избавлении от несчастья. Заветное животное, согласно концепции С.Б. Адоньевой, наравне со временем и другими предметами, – «это то, что изъято из практического употребления» и «потока времени», в результате обетного праздника получившее статус священного, а общая трапеза – «это форма взаимной клятвы» [Адоньева, 2020, 32–45]. Обещание ежегодного празднования также составляет часть обета и служит залогом предотвращения его повторения. По описанию летописца, обетное моление святому Илие относится к 1700 г. – ко времени основания поселения, а часовня св. Пророку Божию Илие была построена только через век. При этом летописец никак не связывает эти два события и представляет последнее в рамках христианского вероучения:

«В Тисте св. Пророку Божию Илие и Введению во храм Пресвятыя Богородицы построена крестьянином той деревни Иваном Мироновым Габовым в 1806 году, безо всякого особенного случая, а единственно по благочестивой расположенности к сим праздникам, чтобы по дальности до церкви Вишерской, иметь жителям более удобное место для богомолья» [Летопись Нившерской церкви – 1, 8].

По нашему предположению, эти два события взаимосвязаны, и довольно часто строительство часовни составляет часть обета, что наглядно демонстрирует следующий фрагмент из «Летописи Пезмогской Прокопьевской церкви».

Описывая историю прихода, летописец приводит сведения о часовнях. Одна из них – во имя Стефана, епископа Пермского, – построена была за один день в 1831 году по обету, принесённому по случаю страшного морового поветрия (тогда жители обещались ежегодно 26 апреля ходить крестным ходом). Вторая – в честь священномученика Власия, епископа Севастийского:

«... часовня находится в 1¼ версты от церкви, близ р. Вычегды, построена во имя Святого священномученика Власия, епископа Севастийского, как говорит предание и старожилы, по следующему обстоятельству: в том месте, где находится ныне часовня, около её и далее находился дремучий лес, каковый и ныне есть в расстоянии от часовни ¾ версты, а далее лес более и более в давнее время, когда жители с. Пезмогского ещё не имели удобных пастбищ для своего скота, то и выгоняли скот для покормления в эти места, где теперь находится часовня, и в те места, где теперь так называемые подскотина, не так далеко от часовни, а как в прежние времена много водилось хищных зверей: медведей, волков и росомых, которые сильно уничтожали скот и ранили, потому чтобы избавиться от таких диких и хищных зверей – бичей для домашнего скота, пезмогские жители дали единодушное обещание св. Власию построить и (построили) часовню в тех местах, где раньше пасся скот и теперь, и обещались ежегодно почитать память св. Власия, а 11 сентября ходить в часовню с крестным ходом и там молиться, после совершения в этот день литургии, дабы Господь бог по молитвам своего Угодника св. Власия, защищал и хранил от хищных зверей домашний скот. И действительно теперь дом[ашний] скот бывает невредим от хищных зверей почти ежегодно за редкими исключениями. В 1842 г., когда часовню весной в полноводие снесло и не могли вскоре построить новую, в это лето явилось много хищных зверей, которые сильно уничтожали домашний скот, но когда снова построили часовню, то с тех пор и ныне домашний скот хранится невредимым» [Летопись Пезмогской церкви, 3–3об.].

Исходным пунктом появления обетов святому Власию надо считать народное представление о том, что святой Власий способен сохранять и защищать домашний скот. Возникновение представлений о покровительстве святого Власия над домашними и дикими животными связано с сюжетами жития святого, где описывается, что дикие звери кротко подходили к его пещере, подчинившиеся ему,

они получали благословление и исцеление [Ростовский, https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitijasvjatykh/144], а также нашло отражение в иконографии этого святого.

Попав в кризисную ситуацию и желая прекратить травлю скота хищными животными, община обращается к святому Власию и просит помощи в избавлении от этой напасти. Строительство часовни на покотине, на месте, где необходимо присутствие святого, объясняется мифологическим представлениями коми о духах-хозяевах, в данном случае можно говорить о соотнесённости образа святого и мифологического персонажа по функции покровительства и защиты⁸. Описанный в контексте строительства часовни крестный ход, проводившийся ежегодно 11 сентября, не имеет привязки к церковному календарю⁹ и, возможно, является датой кризисного события, потому что именно в это время обычно активизируются медведи, готовящиеся к зимней спячке, учащаются случаи нападения на скот. И, как мы предполагаем, в этот день был проведён молебен в честь святого с обходом территории¹⁰ и дан обет о строительстве часовни и ежегодном крестном ходе. Проведение в этот день литургии, крестного хода к часовне и моления, в целом, соответствует коллективной обетной практике, а ежегодное повторение его, являясь частью коллективного обета, выступает неперенным условием для недопущения повторения критической ситуации [Кремлева, 2010, 245–252].

Другую структуру имеет крестный ход, проводившийся в пезмогской традиции 4 июля «по тому же обещанию» как и вышеописанный – «дабы Господь бог по молитвам своего Угодника св. Власия защищал и хранил от хищных зверей домашний скот». Крестный ход проводился:

«...в окружности на 12 вёрст, кругом покотины, тотчас после совершения в этот день литургии. В этот день один из прихожан, по усердию и желанию, приводит утром рано быка или корову, которых тотчас убивают, мясо варят в больших котлах, разрезают на маленькие куски (а часть неварёной дают церковному старосте для продажи, который вырученные за говядину деньги кладёт в кошельковую церкви, а также дают небольшую часть неварёной говядины и церковному причту, который делит её между собой), и когда возвратится крестный ход, тогда по отпусту и целованию Св. Креста – священник с причтом выходит из церкви, в сторонку, где наход[ится] говядина, и там поёт величание тому Святому, которому в этот день молились – Власию. После величания священник приходит к говядине, читает над ней молитву, кропит её святой водой, после чего, взяв один кусок варёной говядины, вкушает сам, а затем и все, бывшие в крестном ходе, а после всего этого расходятся домой» [Летопись Пезмогской церкви, Зоб.].

В отличие от предыдущего, данный крестный ход совершался вокруг покотины с принесением в жертву быка или коровы одним из прихожан, что является основным структурным элементом данного ритуального комплекса. Дата 4 июля, возможно, связана с освящением этой часовни, в связи с чем могло быть проведено и первое жертвоприношение, что также соотносится с событиями из жития святого. Среди чудес, которые происходили при жизни святого, описывается случай, когда святой предсказал бедной вдове, у которой волк съел последнего поросенка, что ей всё вернётся [Ростовский, https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitijasvjatykh/144]. Позже игемон Агриколай заключил святого в темницу и подверг испытаниям, добиваясь отречения от Бога, вдова заколола поросёнка и отнесла их Власию, на что святой ответил:

«Женица, таким образом совершай каждый год мою память, тогда ничто из нужного в доме твоём не оскудеет; если же кто другой уподобится тебе и будет совершать мою память, тот получит в изобилии дары Божии и благословение Господа пребудет на нём во всё время его жизни» [Ростовский, https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/144].

Этот эпизод жития святого мог стать основанием для возникновения индивидуальных жертвоприношений животных святому Власию в рамках коллективной обетной практики. В пезмогском варианте ритуала могут быть выделены следующие значимые элементы: 1) в праздничный день, 4 июля, проводится в церкви литургия в честь святого Власия; 2) «в этот день один из прихожан, по усердию и желанию,

приводит утром рано быка или корову, которых тотчас убивает»; 3) мясо делится на три части: одну часть «варят в больших котлах, разрезают на маленькие кусочки»; вторая часть передаётся церковному старосте, впоследствии продаётся, вырученные деньги пополняют церковную казну; и ещё «дают небольшую часть неварёной говядины и церковному причту, который делит её между собой»; 4) после литургии совершается крестный ход к часовне св. Власия и вокруг поскотины в окружности 12 вёрст; 5) после возвращения в церковь богослужение завершается отпущением и целованием креста; 6) около церкви, где находится сваренная говядина, священник исполняет величание и молитву святому Власию, потом читает молитву над приготовленным мясом, окропляет святой водой, «взяв один кусок варёной говядины вкушает сам, а затем и все, бывшие в крестном ходе». Описанная структура праздника в целом соответствует заветному/обетному празднику, отличаясь лишь принесением в жертву животного по индивидуальному обету (при том, что религиозный обряд не теряет своего общественного характера, подчёркивая лишь роль индивидуального в коллективной практике).

Значимость образа святого Власия в Пезмогском приходе подтверждается тем, что в 1835 г. св. Власию был посвящён один из приделов новой каменной Прокопьевской церкви, а в 1898 г. приход был переименован с Прокопьевского на Власиевский [Летопись Пезмогской церкви, Зоб., 22]. В других традициях коми зафиксированы сведения об индивидуальных пожертвованиях мелкого скота и мяса животных в часовни в честь святого Власия и иконе святого в праздничный день, что может рассматриваться как обетная практика, связанная с функцией святого как покровителя домашнего скотоводства. Кроме того, обращение к св. Власию встречается в заговорно-заклинательных текстах, сопровождающих скотоводческие обряды [Lobanova, 2019, 52].

В повременной части летописей сведения о жертвоприношениях встречаются как исключения из правил. В качестве примера такого явления приведём отрывок из «Церковно-приходской летописи Позтыкеросской Троицкой церкви» за 1885 г.:

«В Июле месяце в 8е и 9е числ[а] произошла стачка прихожан относительно моления обычнаго ежегодно. В нынешнее лето позтыкерослянам показалось дорого оплачивать священнику за труд обхождения полей и выгонов – 5 р. и с 1х чисел пошли перемолвки и сходки по сему предмету, “что мол поп дорого берет, буде не будем и молебствовать”. Церковный староста со своими помощниками достиг желаемого результата, – и в 8е Июля произвели шум у церкви – требуя, чтобы поп шёл за рубль или два, а нет и за кварту вина или не свыше четверти, как староста Василей объявлял народу. – Соглашаться было невозможно на их возмутительное требование, а им все-таки хотелось полакомиться коровьим мясом и Кануном по заведённому обычаю...» [Летопись Позтыкеросской церкви, 3].

Несмотря на редко встречающийся в летописи стиль изложения в форме доноса, мы можем выделить следующие значимые моменты: 1) моление проводилось ежегодно в начале июля, 2) оплачивали «священнику за труд обхождения полей и выгонов – 5 р.», в этот раз прихожане требовали, «чтобы поп шёл за рубль или два, а нет и за кварту вина или не свыше четверти», 3) народу «хотелось полакомиться коровьим мясом и Кануном по заведённому обычаю» – это в целом соответствует варианту общественного моления с обходом полей и поскотины, жертвоприношением и приготовлением пива-кануна.

Встречаются упоминания и о жертвоприношениях по случаю строительства храма. В 1915 г., описывая завершение работ по устройству и расширению Пожегодского приходского храма, которое длилось в течение 12 лет, в результате чего в Троицкой церкви был открыт придел в честь Св. Великомученика Пантелеймона, летописец перечисляет источники строительства, среди которых значительное место занимают пожертвования животных: «Во всё время постройки крестьяне жертвовали обильно и усердно, пожертвовано было одного скота до 800 голов крупных и мелких» [Летопись Пожегодской церкви, 22].

Таким образом, анализ фрагментов летописей, которые содержат сведения о принесении в жертву животных, демонстрирует то, что, несмотря на запреты со стороны церковных властей, жертвоприношение животных составляло неотъемлемую

часть религиозной практики православной сельской общины. Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что принесение в жертву животного является обетом, который, в зависимости от типа – индивидуальный или общественный, – а также ситуации зарождения, условий и времени его развития, на момент фиксации может быть представлен в составе как престольного, часовенного, обетного/заветного праздника, так и молебна почитаемому святому, крестного хода, обхода полей и пастбищ с молебнами, каждый из которых может встречаться отдельно и совмещаться с остальными. Подобно большинству обетных действий, принесение в жертву животного «требовало затраты временных и экономических ресурсов» [Антонов, 2022, 52]. Благодаря пожертвованию животного обеспечивается возможность исполнения коллективного обета – совместной трапезы. В результате исследования принесение в жертву животного признаётся вернакулярной¹¹ религиозной практикой, сформировавшейся в православной сельской общине коми на основе системы традиционного хозяйства, народного мировоззрения и христианского вероучения.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках плановой темы НИР (рег. № 121051400044-2).

Acknowledgment

The article has been prepared under assignment of research no. 121051400044-2.

Библиографический список

1. Аврамов, В. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт / В. Аврамов // Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. – 1859. – № 37. – С. 328.
2. Адоньева, С.Б. Ритуалы бедствия и заветные праздники / С.Б. Адоньева // Ритуалы бедствия: антропологические очерки / Под ред. С. Б. Адоньевой. – СПб.: Пропповский центр, 2020. – С. 7–45.
3. Антонов, Д.И. Вотивные дары на Руси: предметы и практики / Д.И. Антонов // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2022. – № 4. – С. 50–69.
4. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев. – М., 1868. – Т. 2. – С. 255–256.
5. Белицер, В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX – начало XX в. / В.Н. Белицер – М.: Наука, 1958. – 394 с. (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. 45)
6. Вологдин [Засодимский], П. Лесное царство / П. Засодимский // Слово. – СПб., 1878. – С. 67–68.
7. Добренский, С.И. Церковно-приходские летописи Никольского уезда Вологодской губернии второй половины XIX – начала XX века / С.И. Добренский // Никольская старина: Исторические и этнографические очерки / Отв. ред. С.А. Тихомиров. – Вологда, 2000. – С. 356–382.
8. Дукарт, Н.И. Весенне-летние праздники и обряды в северной деревне конца XIX – начала XX в. / Н.И. Дукарт // Вопросы истории Коми АССР (XVII – начало XX в.). – Сыктывкар, 1975. – С. 141–152. (Труды Института языка, литературы и истории; вып. 16).
9. Жеребцов, И.Л. Где ты живёшь: Населённые пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник / И.Л. Жеребцов. – Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1994. – 272 с.
10. Зеленин, Д.К. Восточнославянская этнография / Д.К. Зеленин, примеч. Т.А. Бернштам. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
11. Конаков, Н.Д. От Святков до Сочельника: Коми традиционные календарные обряды / Н.Д. Конаков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. – 128 с.
12. Конкка, А.П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел (материалы к описанию обряда) / А.П. Конкка // Обряды и верования народов Карелии / Науч. ред. А.П. Конкка, Э.С. Киуру. – Петрозаводск: КФАН СССР, 1988. – С. 77–95.
13. Красов, А. В. Зыряне и св. Стефан, епископ пермский / А.В. Красов. – СПб., 1897. – С. 129–130.
14. Кремлева, И.А. Место обета в мировоззрении и повседневной жизни русского народа / И.А. Кремлева // Святости и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование / Отв. ред. и сост. О. В. Кириченко. – М.: Наука, 2010. – С. 241–284.
15. Лепехин, И.И. Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина, академика и медицины доктора, вольного экономического в С[анкт]-П[етербурге] друзей природы испытателей в Берлине гессенгомебургского патриотического обществ члена по разным провинциям Российского государства в 1771 г. / И.И. Лепехин – СПб.: Императорская академия наук, 1814. – Т. 3. – С. 236–237.

16. Летопись Нившерской Воскресенской церкви Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии с 1865 г. по 1876 г. Часть 1 // Частная коллекция И.Л. Жеребцова (г. Сыктывкар).
17. Летопись Нившерской Воскресенской церкви Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии с 1877 г. по 1912 г. Часть 2 // Национальный архив Республики Коми. Ф. 280. Оп. 1. Ед. хр. 1.
18. Летопись Пезмогской Прокопьевской церкви Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии // Национальный архив Республики Коми. Ф. 230. Оп. 1. Ед.хр. 197.
19. Летопись Пожегодской Троицкой церкви Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии // Национальный архив Республики Коми. Ф. 230. Оп. 1. Ед.хр. 199.
20. Летопись Позтыкеросской Троицкой церкви Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии // Национальный архив Республики Коми. Ф. 230. Оп. 1. Ед.хр. 198.
21. Лобанова, Л.С. К вопросу о формировании образа Параскевы Пятницы в локальной традиции нившерских коми / Л.С. Лобанова // Вестник угроведения. – 2022. – Т. 12. – № 1. – С. 141–151.
22. Лобанова, Л.С. Современная традиция почитания православных икон в с. Нившера Корткеросского р-на Республики Коми / Л.С. Лобанова, А.Н. Рассыхаев // Традиционная культура. – 2017. – № 1. – С. 38–51.
23. Мифология коми / Под ред. А.-Л. Сикала, В.В. Напольских, М. Хоппал; рук. авт. Н.Д. Коныхов. – М.; Сыктывкар: ДИК, 1999. – 480 с.
24. Мороз, А.Б. Легенда о жертвенном олене: география, варианты, источники, параллели / А.Б. Мороз // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого / Отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2013. – С. 212–233.
25. Мороз, А.Б. Святые Русского Севера: Народная агиография / А.Б. Мороз. – М.: ОГИ, 2009. – 528 с.
26. О заведении при церквях Оренбургской епархии приходских летописей // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. – 1867. – № 2. – С. 60–66.
27. Панченко, А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект / А.А. Панченко. – 2-е изд. – М.: ОГИ, 2004. – 541 с.
28. Панюков, А.В. Праздничные обходы территорий в локальных традициях коми / А.В. Панюков // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 1. – С. 72–85.
29. Попов, К.А. Зыряне и зырянский край / К.А. Попов // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии / Под ред. Н. А. Попова. – М.: Типография С. П. Архипова, 1874. – Т. XIII. – Вып. 2. – С. 47–48.
30. Ростовский, Д. Житие и страдание святого священномученика Власия, епископа Севастийского, и других, пострадавших с ним [Электронный ресурс] // Ростовский Д. Жития святых. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/144 (дата обращения 12.11.2021).
31. Рыбаков, Б.А. Календарь IV века из земли полян / Б.А. Рыбаков // Советская археология. – 1962. – № 4. – С. 73–74.
32. Сидоров, А.С. Следы тотемистических представлений в мировоззрении зырян / А.С. Сидоров // Коми му – Зырянский край. – 1924. – № 1–2. – С. 43–50.
33. Сорокин, П. Старинный обряд у зырян / П. Сорокин // Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. – 1848. – № 30. – С. 339–341.
34. Сорокин, П.А. Пережитки анимизма у зырян / П.А. Сорокин // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1910. – № 22. – С. 39–47.
35. Сорокин, П.А. Современные зыряне / П.А. Сорокин // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1911. – № 23. – С. 876–885.
36. Терюков, А.И. История этнографического изучения народов коми / А.И. Терюков. – СПб: МАЭ РАН, 2011. – 514 с.
37. Церковно-приходские летописи Европейского Северо-Востока России XIX – начала XX века / Сост. М.В. Хайдуров. – Сыктывкар, 2021. – 128 с.
38. Шабаев, Ю.П. «Долгий путь коми этнографии»: от ретроспективных исследований по этнической истории и традиционной культуре коми к современному этнологическому мониторингу Европейского Северо-Востока России (1940–2000-е гг.) / Ю.П. Шабаев, В.Э. Шарапов // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». – 2020. – № 2. – С. 102–115.
39. Шаповалова, Г.Г. Севернорусская легенда об олене / Г.Г. Шаповалова // Фольклор и этнография Русского Севера / Отв. ред. Б.Н. Путилов, К.В. Чистов. – Л.: Наука, 1973. – С. 209–223.
40. Lobanova, L. Aspects of studying the verbal level of cattle-breeding rituals / L. Lobanova // Folklore: Electronic Journal of Folklore. – Tartu: Estonian Literary Museum. – 2019. – Vol. 76. – P. 57–82.

*Текст поступил в редакцию 02.02.2023.
Принят к печати 03.04.2023.
Опубликован 28.09.2023.*

¹ Предположительно, источником данного очерка послужили сообщения священнослужителей и местной интеллигенции, присланные в редакцию «Вологодских губернских ведомостей» и в Вологодский статистический комитет, к которым имел доступ автор данной публикации по долгу службы.

² Подобные высказывания встречаются в статьях священнослужителей, описывающих жертвоприношения животных среди зырян, карел и северных русских, которые были опубликованы в «Вологодских губернских ведомостях», «Олонецких губернских ведомостях». Об этом также свидетельствует следующий фрагмент рассмотренного выше очерка П. Сорокина: «некоторые из священников, относя этот обряд к остаткам идолопоклонства (о котором Зыряне не имеют ни малейшего понятия), хотели его уничтожить, но встречены были чрезвычайным ропотом от своих прихожан, относивших эту меру к охлаждению в них благочестия» [Сорокин, 1848, 341].

³ Некоторые летописи были опубликованы [Церковно-приходские летописи, 2021].

⁴ Эта летопись состоит из двух частей, каждая из которых представляет собой рукопись форматом 34,3 x 21,4 см, сшитую в книжный блок. Она написана гражданской скорописью XIX – начала XX века. Первая часть – «Приходская летопись Нившерской Воскресенской церкви с 1865 г. по 1876 г.» – находится в частной коллекции И. Л. Жеребцова; вторая часть – «Приходская летопись Нившерской Воскресенской церкви с 1877 г. по 1912 г.» – хранится в Национальном архиве Республики Коми [Ф. 280. Оп. 1. Ед. хр. 1].

⁵ «Приходская летопись Нившерской Воскресенской церкви с 1865 г. по 1876 г.» начинается со статьи «О заведении при церквях Оренбургской епархии приходских летописей» [О заведении летописей, 1867].

⁶ На месте часовни был установлен крест, около которого проводили молебны во время обхода полей.

⁷ Нившера впервые упоминается в 1747 г., однако, по ряду данных предполагается, что в 1720 г. она уже существовала. См. [Жеребцов, 1994, 159].

⁸ Случаи изофункциональности святых Николы, Егория, Власия и Модеста лешему приводятся в монографии А.Б. Мороз [Мороз, 2009, 33].

⁹ В церковном календаре день памяти святого священномученика Власия Севастийского отмечается 11 февраля (по ст. ст.)

¹⁰ Практика обхода полей и пастбищ в коми традиции подробно рассмотрена ст. А.В. Панюкова [Панюков, 2012].

¹¹ Мы придерживаемся определения Л. Примиано, приведённого в работе А.А. Панченко [Панченко, 2004, 70].

References

1. Adon'yeva S.B. *Ritualy bedstviya: antropologicheskiye ocherki* [Disaster rituals: Anthropological essays]. St. Petersburg: Propp Center Publ., 2020, pp. 7–45 (in Russian).
2. Afanas'yev A.N. *Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetic views of the Slavs on nature]. Moscow, 1868, vol. 2, pp. 255–256 (in Russian).
3. Antonov D.I. *Vestnik Rossiyskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykovedeniye. Kul'turologiya* [Bulletin of the Russian State University of the Humanities. Series: Literary criticism. Linguistics. Cultural studies]. 2022, no. 4, pp. 50–69 (in Russian).
4. Avramov V. *Vologodskiy gubernskiy vedomosti. Neofitsial'naya chast'* [Vologda provincial Gazette. The unofficial part]. 1859, no. 37, pp. 328 (in Russian).
5. Belitser V.N. *Ocherki po etnografii narodov komi: XIX – nachalo XX v.* [Essays on ethnography of the Komi peoples: 19th – early 20th century]. Moscow: Nauka Publ., 1958, 394 p. (In Russian).
6. Dobren'kiy S.I. *Nikol'skaya starina: Istoricheskiye i etnograficheskiye ocherki* [Nikolskaya antiquity: Historical and ethnographic essays]. Ed. S.A. Tikhomirov. Vologda, 2000, pp. 356–382 (in Russian).
7. Dukart N.I. *Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii* [Proceedings of the Institute of Language, Literature and History]. Syktyvkar, 1975, no. 16, pp. 141–152 (in Russian).
8. Konakov N.D. *Ot svyatok do sochel'nika: komi traditsionnye kalendarnye obyady* [From Yuletide to Christmas eve: Komi traditional calendar rites]. Syktyvkar, 1993, 128 p. (In Russian).
9. Konkka, A. P. *Obyady i verovaniya narodov Karelii* [Rites and beliefs of the Karelia peoples]. Petrozavodsk: Karelian branch of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1988, pp. 77–95 (in Russian).
10. Krasov A.V. *Zyryane i sv. Stefan, yepiskop permskiy* [Zyryan and St. Stephen, Bishop of Perm]. St. Petersburg, 1897, 222 p. (In Russian).
11. Kremleva I. A. *Svyatyni i svyatost' v zhizni russkogo naroda: etnograficheskoye issledovaniye* [Shrines and holiness in the life of the Russian people: an ethnographic study]. Moscow: Nauka Publ., 2010, pp. 241–284 (in Russian).
12. Lepekhin I.I. *Prodolzheniye dnevnykh zapisok puteshestviya Ivana Lepekhina ... v 1771 g.* [Continuation of the daytime notes of Ivan Lepekhin's journey in 1771]. St. Petersburg, 1814, vol. 3 (in Russian).
13. *Letopis' Nivsherskoy Voskresenской tserkvi Ust'-Syl'skogo uyezda Vologodskoy gubernii s 1865 g. po 1876 g. Chast' I* [Chronicle of the Nivshersky Resurrection Church of the Ust-Sysolsky district of the Vologda province from 1865 to 1876 Part 1]. Private collection of I.L. Zherebtsov (Syktyvkar) (in Russian).
14. Lobanova L. Aspects of studying the verbal level of cattle-breeding rituals. In: *Folklore: Electronic Journal of Folklore*. Tartu: Estonian Literary Museum, vol. 76, 2019, pp. 57–82 (in English).

15. Lobanova L.S. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies]. 2022, no. 12 (1), pp. 142–151 (in Russian).
16. Lobanova L.S., Rassyhaev A.N. *Tradicionnaja kul'tura* [Traditional Culture]. 2017, no. 1 (65), pp. 38–51 (in Russian).
17. *Mifologiya komi* [Komi Mythology]. Eds. A.-L. Siikala, V.V. Napol'skikh, M. Hoppal. Head of the authors team N.D. Konakov. Moscow: DiK Publ., 1999, 480 p. (In Russian).
18. Moroz A.B. *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiyu akademika Nikity Il'icha Tolstogo* [Ethnolinguistica Slavica. To the 90th anniversary of Academician Nikita Ilyich Tolstoy]. Moscow: Indrik Publ., 2013, pp. 212–233 (in Russian).
19. Moroz A.B. *Svyatyje Russkogo Severa: Narodnaya agiografiya* [Saints of the Russian North: Folk Hagiography]. Moscow: United Humanitarian Publ., 2009, 528 p. (In Russian).
20. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Komi* [National Archives of the Komi Republic]. Fund 280. Inventory 1. File 1 (in Russian).
21. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Komi* [National Archives of the Komi Republic]. Fund 230. Inventory 1. File 197 (in Russian).
22. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Komi* [National Archives of the Komi Republic]. Fund 230. Inventory 1. File 199 (in Russian).
23. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Komi* [National Archives of the Komi Republic]. Fund 230. Inventory 1. File 198 (in Russian).
24. Panchenko A.A. *Khristovshchina i skopchestvo: Fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Christendom and cluster: Folklore and traditional culture of Russian mystical sects]. Moscow: United Humanitarian Publ., 2004, 541 p. (In Russian).
25. Panyukov A.V. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review]. 2012, no. 1, pp. 72–85 (in Russian).
26. Popov K.A. *Izvestiya Imperatorskogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii* [News of the Imperial Society of Lovers of Natural History, Anthropology and Ethnography]. Moscow: Printing house S.P. Arkhipov, 1874, vol. XIII, iss. 2, 92 p. (In Russian).
27. *Pribavleniya k Vologodskim yeparkhial'nyim vedomostyam* [Additions to the Vologda Diocesan Vedomosti]. 1867, no. 2, pp. 60–66 (in Russian).
28. Rostovskiy D. *Zhitiya svyatykh* [Lives of Saints]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/144 (accessed on November 12, 2021) (in Russian).
29. Rybakov B.A. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology]. 1962, no. 4, pp. 73–74 (in Russian).
30. Shabayev Yu.P., Sharapov V.E. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. Seriya "Istoriya i filologiya"* [Proceedings of the Komi science centre Ural branch Russian Academy of Sciences. History and Philology series]. 2020, no. 2, pp. 102–115 (in Russian).
31. Shapovalova G.G. *Fol'klor i etnografiya Russkogo Severa* [Folklore and ethnography of the Russian North]. Leningrad: Nauka Publ., 1973, pp. 209–223 (in Russian).
32. Sidorov A.S. *Komi mu – Zyryanskiy kray* [Komi mu – Zyryan Territory]. 1924, no. 1–2, pp. 43–50 (in Russian).
33. Sorokin P. *Vologodskiy gubernskiy vedomosti. Neofitsial'naya chast'* [Vologda provincial Gazette. The unofficial part]. 1848, no. 30, pp. 339–341 (in Russian).
34. Sorokin P.A. *Izvestiya Arkhangel'skogo Obshchestva izucheniya Russkogo Severa* [News of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North]. 1910, no. 22, pp. 39–47 (in Russian).
35. Sorokin P.A. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa* [News of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North]. 1911, no. 23, pp. 876–885 (in Russian).
36. Teryukov A.I. *Istoriya etnograficheskogo izucheniya narodov komi* [History of ethnographic study of the Komi peoples]. St. Petersburg: Great Museum of Anthropology and Ethnography Publ., 2011, 514 p. (In Russian).
37. *Tserkovno-prikhodskiy letopisi Yevropeyskogo Severo-Vostoka Rossii XIX – nachala XX veka* [Parish chronicles of the European North-East of Russia of the 19th – early 20th centuries]. Comp. M.V. Khaydurov. Syktyvkar, 2021, 128 p. (In Russian).
38. Vologdin [Zasodimskiy] P. *Slovo* [Word]. St. Petersburg, 1878, pp. 67–68 (in Russian).
39. Zelenin D.K. *Vostochnoslavjanskaya etnografiya* [East Slavic ethnography]. Moscow: Nauka Publ., 1991, 511 p. (In Russian).
40. Zhrebtsov I.L. *Gde ty zhivesh': Naselemyye punkty Respubliki Komi. Istoriko-demograficheskiy spravochnik* [Where you live: Settlements of the Komi Republic. Historical and demographic reference book]. Syktyvkar: Komi book Publ. house, 1994, 272 p. (In Russian).

Submitted for publication: February 02, 2023.

Accepted for publication: April 03, 2023.

Published: September 28, 2023.